

ВЯЧЕСЛАВ ПОЗДЕЕВ, ЧЖАН ХУН
Вятский государственный университет, Киров

«СТРАШНЫЕ» И ПАРОДИЙНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ОРЕСТА СОМОВА (*КИКИМОРА*) И АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА (*ЧЕРТОВЫ НОЧИ*)

Взаимовлияние фольклора и литературы — проблема, возникшая давно, однако, в разные периоды развития фольклористики она рассматривалась с разных точек зрения: исследовались влияния фольклора, заимствования, отражение «духа» народа, использование внешних деталей, атрибутов народной жизни, культуры в литературе. В начале XIX в. активно обсуждалась проблема «народности» литературы. Романтическое восприятие «народности» связывалось с мистикой, необычным, страшным в народной жизни. Эти произведения принадлежат многим авторам, в том числе и писателям третьего ряда («писатели из народа»).

На основе народной культуры в русской литературе сформировались особые стереотипы восприятия и отражения страха, которые связаны с социальными и национальными традициями, поэтому в «страшных» повестях и рассказах чаще всего появляется восприятие и осмысление колдовства, ведовства, чудотворства, смерти, представлений о заложных покойниках, оборотнях.

Характерной особенностью литературы первой трети XIX в. являлось большое количество вариантов одного и того же произведения. Каждый «писатель из народа» пробовал издать свою собственную переделку наиболее востребованных сюжетов и книжек. Такие переделки воспринимались по-разному читающей публикой того времени. В 1820–1840-е гг. особенным успехом пользовались «страшные», «разбойничьи» романы и повести с фольклорными элементами Александра И. Чуров-

ского *Черный кощей, или Заднепровский хутор у Лунной горы, Ведьма, или Страшные ночи за Днпром, Александра П. Протопопова Черный гроб, или Кровавая звезда, Пан Ягоджинский, отступник и мститель* и многие другие.

«Образованная публика», критики считали их или подделками, или пародиями, «невзыскательные» читатели — восхищались. Тем не менее писатели первой трети XIX в. неоднократно указывали на необходимость создания национальной литературы, которая основывалась бы на интересе к жизни, обычаям, нравам и творчеству простого народа.

Одним из серьезных и признанных писателей в первой трети XIX в. был Орест Михайлович Сомов. Он публикует целый ряд «страшных» фантастических рассказов и повестей, целиком построенных на фольклорно-этнографическом материале: *Приказ с того света* (1827), *Кикимора* (1829), *Оборотень* (1829), *Русалка* (1829), *Сказки о кладах* (1830), *Самоубийца* (1830), *Купалов вечер* (1831), *Киевские ведьмы* (1833) и др. Рассказы и повести Сомова очень напоминают этнографические очерки, в которых автор использует предания, былички, связанные с миром мертвых или предков, изобилующие всевозможной фантастикой и «чертовщиной». В повестях и рассказах «страшное» проявляется также в связи с чем-то неизведанным, необычным. Еще одной чертой «страшной» литературы является то, что часто писатель соединял серьезный и смеховой мир, в них можно видеть элементы некоей пародии на фольклорные тексты. Так, Сомов в своих произведениях делает попытку соединения, уравнивания бытового и фантастического мира, в которых есть место и страху, и веселью. Как и у многих писателей того времени, у Сомова вводится рассказчик, балагур, этот персонаж подчеркивает устное бытование различных сюжетов.

Так, в рассказе *Кикимора* Фаддей по просьбе барина начинает рассказ о Кикиморе: «Изволь же слушать, милостивец! [...] Жил тогда в нашем селе старый крестьянин, Панкрат Пантелеев, с женою, тоже старухою, Марфою Емельяновною»¹. В его благополучном доме поселилась Кикимора, однако это благополучное пространство ощущается только днем, а ночью место становится «нечистым». Страх охватывает всех родных Вари, к которой являлась Кикимора и ночью прихорашивала девочку. Родные

¹ О. Сомов, *Кикимора. Рассказ русского крестьянина на большой дороге*, <http://lib.ru/LITRA/SOMOW/kikimora.txt> (03.08.2018)

задаются вопросом: кто и почему прихорашивает девочку? Они явно чувствуют, что Варя избрана Кикиморой. Это состояние отражает не столько страх перед Кикиморой, сколько страх перед непонятными событиями. Так Варя видит кошку: «превеликая и претолстая кошка, крупнее самого ражего барана, серая, с мелкими белыми крапинами, с большою уродливою головою, с яркими глазами, которые светились как уголья, с короткими толстыми ушами и с длинным пушистым хвостом». Сомов локализует ощущение страха в определенных местах, по народным поверьям связанных с нечистой силой, например, кошка, которая является неким дневным перевоплощением Кикиморы, обитает «за печкой, в большой печурке»².

Чтобы «очистить» пространство дома от Кикиморы, приглашают священника, отца Савелия, который не понимает предрассудков: «человек он был ученый, знал много и все толковал по своему»³.

Пародийные элементы можно видеть в той части рассказа, когда приглашали иностранца, «немца или француза, из Митавы, по имени и по отчеству Вот-он Иванович». «Страшное» соседствует с веселым, так рассказчик иронично описывает те подарки, которые требует фон-барон. Ирония сквозит и в описании всех приготовлений и некоторых действий иностранца, внешне похожих на заклинания, но вызывающих лишь улыбку.

Велел подать четыре сковороды с горячими угольями, всыпал в каждую по щепотке мелкого сахару и расставил по всем четырем углам; после того шептал что-то над бутылками и штофом, взял глоток рому в рот, пустился бегать по избе да прыскать на стены, ломаться да коверкаться, кричать изо всей силы, инда у всех волосы дыбом стали. Так он принимался до трех раз; после сказал, что все нашептанные снадобья должно вынести из дому в новой скатерти и никогда ничего этого не вносить снова в дом; что с ними-де вынесется из дому Кикимора; велел подать скатерть, положил в нее бутылки, штоф и сахар, поздравил хозяев с избавлением от Кикиморы и понес скатерть с собою⁴.

По народным поверьям, нечистая сила могла реагировать на «внешние» действия, направленные против нее. Когда же собрались «выгонять» из дома Кикимору, она это почувствовала и стала досаждать, «делать всякие проказы»: «то вдруг загремит

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

и затрещит на потолке, словно вся изба рушится [...] ходит по избе, урчит, ревет и сопит как медвежонок; то середь ночи запрыгает по полу синими огоньками»⁵. Сомов от пародийного поведения иностранца переходит к описанию «настоящего» заговорного действия нищей старушки, которая подсказала, как можно «выгнать» Кикимору: произвести некие магические действия, понятные только посвященным, с особым заговором.

Слушайте ж, добрые люди! Сегодня у нас воскресенье. В среду на этой неделе, ровно в полдень, запрягите вы дровни... Да, дровни; не дивитесь тому, что нынче лето; этому так быть надобно... Запрягите вы дровни чем-то, да не парой... — Как же этому можно быть, бабушка? — спросил средний внук Панкратов, молодой парень лет семнадцати и, к слову сказать, большой зубоскал. — Ведь что чет, что пара — все равно! — Велик, парень, вырос, да ума не вынес, — отвечала ему старуха нищая, — не дашь домолвить, а слова властно с дуба рвешь. Вот как люди запрягают чем-то, да не парой: в корень впрягут лошадь, а на пристяжку корову, или наоборот: корову в корень, а лошадь на пристяжку. Сделайте же так, как я вам говорю, и подвезите дровни вплоть к сеним; расстелите на дровнях шубу шерстью вверх. Возьмите старую метлу, метите ею в избе, в светлице, в сених, на потолке под крышей и приговаривайте до трех раз: «Честен дом, святые углы! отметайтесь вы от летающего, от плавающего, от ходящего, от ползущего, от всякого врага, во дни и в ночи, во всякий час, во всякое время, на бесконечные лета, отныне и до века. Вон, окаянный!» Да трижды перебросьте горсть земли чрез плечо из сеней к дровням, да трижды сплюньте; после того свезите дровни этою ж самою упряжью в лес и оставьте там и дровни, и шубу: увидите, что с этой поры вашего врага и в помине больше не будет⁶.

В этом заговоре достаточно четко локализованы пространства, в которых обитает Кикимора, и те пространства, в которые можно будет ее удалить. Страх охватил, когда увидели, как реагировала Варя после того, как «вывезли» Кикимору:

маленькая Варя, которая играла на дворе, остановилась среди двора, размахнув ручонками, смотрела долго на кровлю, как будто бы там кто манил ее, и, не спуская глаз с кровли, бросилась к стене, начала карабкаться на нее как котенок, взобралась на самый гребень кровли и стала, сложа ручонки, словно к смерти приговоренная⁷.

Варя падает на землю и становится как «мертвая», только нищая старушка магическими действиями «возвращает» ее к жизни

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

ни. Рассказчик, вспоминает, что «меня в жаркую пору такой холод пронял со страху, что зуб на зуб не попадал; а за ушами так и жало, словно кто стягивал у меня кожу со всей головы»⁸. Страх заставляет всех, кто знал об этом случае молчать.

Закономерно то, что по-разному воспринимают историю о Кикиморе барин и Фаддей. Для барина она — забавная сказка, а для ямщика — история, связанная со страхом и неким запретом.

Сочетание «страшного» и веселого, пародийного можно отметить и в произведениях «писателей из народа». Примечательным в плане влияния фольклора является сатирическое произведение Александра Анфимовича Орлова *Чертovy ночи, или Новое. Не любо, не слушай, а лгать не мешай. Сочинение Александра Орлова. Ночь 1–7* (1833). Это произведение в жанровом плане представляет собой нечто среднее между «страшными», фантастическими рассказами и картинками реальной жизни, которые можно характеризовать как «бытовой очерк». Общая трактовка «страшных историй», связанных с нечистой силой, соответствовала романтическим устремлениям этого периода в произведениях «писателей из народа». Именно в повести *Чертovy ночи* Орлов в полной мере использует прием пародии-подражания. Так Юрий Тынянов писал о «механизации определенного приема» и организации нового материала, «причем этим новым материалом и будет механизированный старый прием»⁹, который соединяет как «реалистические» картины городской жизни, так и народную фантастику. Главный герой рассказов — черт, излюбленный персонаж сатирических народных сказок — наблюдает за поведением и нравами людей. Он подмечает такие особенности, которые еще скрыты и не видны всем.

Главный рассказчик — Суслыч — передает другому персонажу Скобе рассказы черта. Орлов довольно интересно использует необычный сатирический прием: черт взял штемпель и собирался «заштемпелевать» «тех людей, которые нам чертям под пару». Первый вопрос, о котором задумался черт: «С которого сословья начинать? Думал я; дай, со среднего: с купеческого и мещанского, и пошел я по Московскому Гостиному ряду»¹⁰. Зашел черт

⁸ Там же.

⁹ Ю. Тынянов, *Достоевский и Гоголь (к теории пародии)* // Ю. Тынянов, *Поэтика. История литературы. Кино*, Наука, Москва 1977, с. 210.

¹⁰ А. Орлов, *Чертovy ночи, или Новое. Не любо, не слушай, а лгать не мешай. Сочинение Александра Орлова*, Москва 1833, с. 3.

в ваточный ряд, там молодой рядович читает стихи. Удивился черт: «в молодых купцах стало проявляться просвещение: «стихи, дай Господи, и Университетскому, т.е. сынку лелеянному, такие смастерить. Притом видно добросердечие и чистота нравов, потому что, размолвившись, сейчас друг друга просят прощения. Тут штемпелевать некого!»¹¹.

Орлов иронизирует по поводу отпрысков богатых людей — нового поколения купеческих детей.

Уже в суконном ряду черт заклеимил Тарабара, хозяина-суконщика, который обманул работника, выплатив ему золотом плату за работу, но плата оказалась меньше. После этого черт стал клеймить всех в Гостином ряду «так, что выбился из сил»¹².

Обратился черт к дворянскому сословию, но сколько заштемпелевал, черт не сказал. Автор смеется над многими пороками общества. Так, черт штемпелюет христиан, которые в пост едут на праздник в немецкое собрание, штемпелюет кокеток, волокит, сластолюбивых стариков, ханжей, лживых молитвословов, ябедников, клеветников, не исполнителей обещаний. Автор признает, что таких оказывается без счета. А Орлов осуждает и штемпелюет торговца, который «в книжном ряду» за бесценок покупает книги у того, кто вынужден продавать их. А еще укоряет: «а считается Христианин»¹³.

Автор и рассказчик отмечают, что черт «меньше всего заштемпелевал в обществе крестьян и мещан»¹⁴. Орлов пытается показать, что «ученые, а особенно журналисты» обладают многими отрицательными чертами и всех штемпелюет: «в этих господах лжи тьма тьмушая, а гордости и не говори; не учась ни чему, все знают!»¹⁵.

В следующем сюжете Орлов пародирует мифологию славян, он использует имена языческих богов и имена представителей низшей мифологии. Черт летит «навестить» Киев и узнать, какие «сохранились» древние языческие боги. Рассказ черта начинается с того, что он доплелся кое-как до Киева. Узнаёт, что «в Киеве о Чернобоге, Чуре, Коляде и даже о самом Перуне знают только по преданиям. Черт заходит по-дружески к Яге-бабе,

¹¹ Там же, с. 4.

¹² Там же, с. 7.

¹³ Там же, с. 8.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 9.

«СТРАШНЫЕ» И ПАРОДИЙНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ...

к Киевским ведьмам, к русалкам, к братьям своим: водяникам и лесовикам. Вспоминает, что

тетушка моя, Яга-баба, поустарела, Киевская ведьма в той же поре, как и прежде; но домовики и лесовики и водяники поразвелись. Зашел я к ним в гости; сидят они в одном болоте, старинное дело! Домовик рассказывал, что к жене одного купца, под его именем, ходил приказщик; лесовик сказывал, что под его именем аукались девки с парнями; водяник жаловался, что он из воды выходит смирёхонек; и все жаловались черту, что ничуть они не виноваты ни в чем, даже в заключении всего подали они мне прошение для препровождения его в ад к Плутону, что я и исполню¹⁶.

В продолжение черт все-таки посетил Чернобога, Коледу, Чура и Дидо с Ладом.

Чуру руки вывертели мужики, а у Перуна нет уж ни стрелки. Поговоривши с ними о всякой всячинке, вздумал я: купить ковер-самолет, чтобы полететь везде и понаглядеться всего. Раздумье меня взяло: где купить ковер-самолет? И вижу: плачет Яга-баба, плачут Русалки, плачет ведьма Киевская; только что и кричали: все отняли! Все отняли! Что? Как? Воскликнул я. Батюшка наш черт! Возопили тысячелетние существа; отняли у нас всё журналисты. На дело не походит! Не зная старины, пишут о старине; так, спроси у них, нет ли у них продажного ковра-самолета? Они его имеют; так и тебя им судят; не больно за дорогую цену: рублей за сорок ассигнациями в год¹⁷.

В третью ночь черт рассказывал Суслычу о жителях и нравах Меркурия — это своеобразная пародия на порядки тогдашней России. В пятой ночи Орлов использует сюжет *О рыбаке и рыбке*, только вместо рыбы черт превращается в птицу, сидящую в дупле, а мужик хочет срубить дерево. Птица выполняет желания мужика в первый раз, а затем желания бабы Дурилки: сначала много разной еды, потом 500 рублей на строительство новой избы, потом она пожелала, чтобы муж был старостой. А птица ему говорит, что «лишние затеи большие хлопоты»¹⁸. Его (Перфила Перфилыча Шабаша) даже выбирают головой, далее хочет быть исправником. Последняя просьба — сделать губернатором. Однако черт ставит условие, чтобы муж и жена надели шубы наизнанку: «как вдруг и оборотились медведями»¹⁹.

¹⁶ Там же, с. 11.

¹⁷ Там же, с. 12.

¹⁸ Там же, с. 12.

¹⁹ Там же, с. 16.

Для «писателя из народа» Орлова, как и для романтика Сомова, главное в «небылицах» — дух народа, выражающийся в его поверьях и мифологических представлениях. Потому-то в нравственно-сатирических повестях Орлова народные «небылицы» рассказываются как бывальщины.

Особенно интересен рассказ шестой ночи. Черт рассказывает о раскольниках, почему они безгрешные: 1) не бреют бороды, 2) не нюхают табаку, 3) ездят в телегах 200-летней давности, 4) дуги конские толстые, как ноги, 5) носят долгополые кафтаны «с двумястами боров», 6) «читают по старинной печати, а не по новой, хотя и то же самое написано»²⁰.

Сюжет с лекарем пародирует «народные лечебники» или западноевропейских «чернокнижников», которые, по мнению народа, приготавливали всякие лекарства из животных и человеческих тел. Поэтому в шестую ночь, когда черт лег спать и уснул так крепко, что его посчитали мертвым, лекарь стал потрошить черта. Лекарь разрезал черта: «мозг отдал журналисту», «из сердца сделал микстуру, а желудок достался одному прожорливому богачу»²¹. Орлов здесь иронизирует над журналистами. Черт узнал, что мозг отдан журналисту, поэтому и настрой журналов изменился:

и в самом деле, в первом же номере журнала появились статьи: критика и антикритика; посыпались ругательства, учинился строгий разбор не только мыслей, но даже слов в сочинениях других, язвительные насмешки на счет сочинителей. Теперь почтенная Публика и видит начало журнальных перебранок²².

Седьмая ночь заканчивает цикл рассказов: «Суслыч протер себе глаза, встал, умылся и потом к своему делу — переписывать с черного на бело — в приказе...»²³. Несомненно, параллельно с фольклорным фиксируется и литературное влияние: часто фольклорные и литературные мотивы переплетаются и создают особый, «авторский колорит».

По ходу рассказа и развития сюжета нагнетается некая «страшная», фантастическая атмосфера, а в конце предлагается реальное объяснение происшедшим фантастическим событиями-

²⁰ Там же, с. 12.

²¹ Там же, с. 14.

²² Там же, с. 15.

²³ Там же, с. 25.

ям — это был всего лишь сон героя. У повести счастливый финал: страшный сон удержал героя от безнравственного поступка и предотвратил ужасные происшествия, которые так и остались всего лишь сном. В произведении присутствует ряд романтических и реалистических черт: фольклорные мотивы, мистическая фантастика, с одной стороны, а с другой — поступки героев мотивированы «раскрытием» недостатков действительности. В этой повести Орлов своеобразно пародирует «страшные» романтические повести того времени, поэтому в этой «фольклорной» повести можно видеть черты нескольких жанровых разновидностей прозы сатирической, фантастической, бытовой. Орлов создает фантастическую повесть в ее псевдофантастической разновидности, придавая повести русскую своеобразную выразительность.

Формальные признаки текста сочетаются с очень сильной позицией проявления суггестивности. Видимо, поэтому многие «писатели из народа» использовали в нравственно-сатирических произведениях пародийные формы определенного содержания.

Итак, на примере двух произведений разных по уровню талантности и признания писателей, но творивших в одно время, можно видеть соединение типологических элементов: использование образа рассказчика, соединение «страшного» и веселого мира народной культуры. Можно сказать, что «псевдофольклорные» произведения писателей первой трети XIX в. создавались в контексте «третьей культуры». В них чувствуется хорошее знание народной традиции, которое проявляется в использовании некоторых сюжетов в характеристиках персонажей, элементах поэтики, но эти авторы немного надменно относятся к крестьянскому пласту фольклора. Это отношение показывает, что даже в городских слоях вырабатывается новая эстетика, которая формируется в эстетику «третьей культуры».

Wiaczesław Pozdiejew, Czżan Chun

„STRASZNE” I PARODYSTYCZNE ELEMENTY
W TWÓRCZOŚCI ORESTA SOMOWA (*KIKIMORA*)
I ALEKSANDRA ORŁOWA (*DIABELSKIE NOCE*)

Streszczenie

Tematem artykułu są relacje łączące folklor i literaturę rozpatrywane na przykładzie opowiadania Oresta Somowa *Kikimora* oraz opowieści Aleksandra Orłowa *Diabelskie noce*. Zapożyczenia z folkloru, dotyczące głównie zjawisk tajemniczych i przerażających, pojawiały się przeważnie w komicznym kontekście, nadając wymienionym utworom charakter wyraźnie parodystyczny. Tego rodzaju ujęcie materiału folklorystycznego, określanego niekiedy mianem „trzeciej kultury”, było charakterystyczne zarówno dla twórców uznanych w środowisku, jak i pisarzy wywodzących się z ludu.

Vyacheslav Pozdeev, Chzhan Khun

„TERRIBLE” AND PARODY ELEMENTS IN THE WORKS
BY OREST SOMOV (*KIKIMORA*) AND ALEXANDR ORLOV (*DROWN NIGHTS*)

Summary

The article deals with the mutual influence of folklore and literature. On the example of Orest Somov's story *Kikimora* and Alexandr Orlov's story *Devil's Nights* it is shown how “terrible” and parody is combined. Formal signs of the text reveal the influence of folklore (the use of various conspiracies, hitch-hats), but these borrowings are combined with parodic forms. Both recognized authors and “writers from the people” of the first third of the nineteenth century. They used them in “terrible” stories, novels, stories, creating “pseudo-folklore” works in the context of the “third culture.”